

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Гончаров И. А.

Мельник Владимир Иванович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры языкознания и литературоведения,
ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры»,
Хибинский проезд, д. 6, 129337 г. Москва, Российская Федерация
E-mail: melnikvi1985@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ФЕНОМЕН «ВОЛИ» В АНТРОПОЛОГИИ И. А. ГОНЧАРОВА

Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 14-04-00286
«Этика и поэтика И. А. Гончарова»

Аннотация: В антропологии И. А. Гончарова отражается равновесие и взаимопроникновение нормативной светской и христианской этики при целенаправленном доминировании последней. Эта структурная особенность антропологии писателя выявляется не сразу, но лишь при завершении романной трилогии. Важнейшую роль играет понятие «воля». Вопрос о воле оказывается для Гончарова принципиально важным ещё в 1840-е гг., до появления Шопенгауэра в европейской философии. В «Обыкновенной истории» Пётр Адуев ценит умение управлять своими чувствами, что является лишь внешним признаком воли. Герой безволен и нравственно обречён — отсюда его фамилия. В романе «Обломов» Штольц и Обломов ставят перед собою задачу нравственного совершенствования и проявляют истинную волю, хотя и не достигают своих целей. В «Обрыве» воля главных героев направлена на достижение нравственного идеала, однако это оказывается невозможным без помощи свыше. Впервые Гончаров ставит вопрос об участии в жизни человека Божьего Промысла, Божьей воли, Божьего милосердия. Главные герои романа переживают своё нравственное падение и, получив урок, готовятся к нравственному воскресению. Их образы построены на евангельской модели «обожения» человека: грех — покаяние — воскресение. Отсюда фамилия героя — Райский. Духовно воскресающие герои для автора дороже, нежели не впадающие в грех. В антропологии Гончарова присутствует целый ряд «счастливых» героев, которые не подвержены искушению, а потому не делают роковых ошибок, не совершают непоправимых шагов. Эти герои менее яркие и талантливы, менее личностны. Их объединяет чистое сердце, невинность, простота и детскость, а главное — счастливая природа. В «Обрыве» возобладали религиозная антропология, и в каком-то смысле это был выход за пределы художественных возможностей традиционного реализма, что отмечал и сам автор.

© Мельник В. И., 2015

Ключевые слова: Гончаров, этика, антропология, воля, эволюция, трилогия, христианство.

В антропологии И. А. Гончарова отражается равновесие и взаимопроникновение нормативной светской и христианской этики при целеполагающем доминировании последней. Эта структурная особенность антропологии писателя выявляется не сразу, но лишь при завершении романной трилогии. Недаром он признавался: «Я <...> вижу не три романа, а один...» [3, т. 8, с. 107]. Важнейшую роль в этике писателя играют такие понятия, как «ум», «сердце» и «воля». Как нам уже приходилось говорить ранее, романист ориентирован при этом, с одной стороны, на догматы христианской этики [8], а с другой — на традиции античной и просветительской философии [9; 10], предполагающие равновесие «ума» и «сердца» (или «разума» и «чувства») в идеальном «цельном человеке». Со временем указание на важную роль оппозиции «ум» – «сердце» стало общим местом для исследователей гончаровского творчества. Что касается категории «воли», играющей в этике и антропологии романиста ещё более важную роль, то её скорее упоминали как частный случай в связи с «безволием» Обломова, нежели исследовали как этико-антропологический феномен. Были попытки объяснить столь значительную роль категории «воли» у Гончарова влиянием на него философии А. Шопенгауэра. В. Сечкарев, например, писал по этому поводу: «Мы не имеем оснований утверждать, что Гончаров был знаком с трудами Шопенгауэра, но такая возможность не исключена» [12, р. 151]. Возможно, писатель и был знаком с трудами немецкого философа. Однако впервые категория «воли» стала играть столь значительную роль ещё в этике Аристотеля, что чрезвычайно важно в случае с Гончаровым, который, несомненно, проявлял большой интерес к античному философу¹. В данном случае Аристотель предвосхитил христианских мыслителей, выдвигавших на первый план в этике именно «добрую волю». Вопрос о воле, её свободе и направленности оказывается для Гончарова принципиально важным ещё в 1840-е гг., т. е. до появления Шопенгауэра на небосклоне европейской философии. В «Обыкновенной истории» жизненная философия Петра Адуева в значительной степени сводится к умению управлять своими чувствами, что сам он, несомненно, считает признаком воли. В его лице «замечалась <...> сдержанность, то есть умение владеть собою...». Пётр Иванович делает замечание своему племяннику: «Велика фигура — человек с сильными чувствами, с огромными страстями! Мало ли какие есть темпераменты? Восторги, экзальтация: тут человек всего менее похож на человека, и хвастаться нечем. Надо спросить, умеет ли он управлять чувствами, если умеет, то и человек...» [4, т. 1, с. 233]. Со временем и Александр «начал учиться владеть собою». О науке владеть собою писал в своё время Ф. Р. Вейс в книге «Нравственные основы жизни»

¹ Ф. Х. Кессиди пишет: «В противоположность Сократу, отождествлявшему добродетель и знание, Аристотель (впервые в истории этической мысли) связывает этическую добродетель главным образом с желанием, хотением, волей, считая, что, хотя нравственность и зависит от знаний, тем не менее она коренится в доброй воле: ведь одно дело знать, что хорошо и что плохо, а другое — хотеть следовать хорошему» [5, с. 22].

(глава «О счастье»): «Любой мудрец, вопреки мнению стоиков, вовсе не изъят от влияния страстей; он только умеет ими управлять...» [1, с. 40]².

Начиная с Аристотеля под «волей» подразумевается сила, направляющая деятельность человека, его самовыражение в мире. Отсюда различие доброй и злой воли. В плане этики добрая воля всегда направлена на совершенствование личности. Что же касается Петра Адуева, то под управлением чувствами он имеет в виду вовсе не нравственное совершенствование личности, но всего лишь соблюдение внешних правил приличия. По классификации Гончарова, принятой им в «Письмах столичного друга к провинциальному жениху» (1847), старший Адуев всего лишь «человек хорошего тона» (ненарушение правил приличия), но вовсе не добродетельный «порядочный человек». Эту-то внешнюю науку со временем перенял у дяди и Александр Адуев.

Казалось бы, в лице дяди и племянника Адуевых перед нами «волевой» и безвольный³ герои. Однако всё не так просто. Пётр Иванович обращается к своему племяннику: «Ты, может быть, вдесятеро умнее и лучше меня... да у тебя, кажется, натура не такая, чтоб *поддалась* (курсив наш. — В. М.) новому порядку» [4, т. 1, с. 209]. Это оговорка по Фрейду. Как человек, тяготеющий к определённому стереотипу поведения, Пётр Иванович — не созидатель, но приспособленец, который всего лишь без внутренней борьбы «поддаётся» новому порядку вещей, новой этической норме, господствующей в современном обществе. Поэтому в его натуре легко сочетаются внешняя эстетизированность с внутренней жесткостью, с эгоизмом. Если порядок вещей и этические оценки в обществе изменятся, он снова должен будет к ним приспособливаться. Но таков удел большинства — и потому история «обыкновенная». Пётр Иванович, по сути, столь же безволен, как и его племянник.

Гончаров даёт как бы два варианта поведения человека, приспособляющегося к внешним обстоятельствам: один ломает себя активно («Ты, вон, изнежен и избалован матерью; где тебе выдержать всё, что я выдержал?»), а другой — пассивно, с сожалением расставаясь с прежними идеалами. Поскольку герои, в сущности, одинаковы, нет никакого парадокса в том, что безвольный племянник в конечном итоге превосходит «волевого» дядю. В эпилоге «дядя, скрестив руки на груди, смотрел несколько минут с уважением на племянника».

Можно сказать, что оба героя выполняют нравственную «антизадачу». В этико-религиозном контексте дядюшка и племянник — души гибнущие, отчего автор и даёт им фамилию — Адуевы. Её смысл проясняется в оппозиции к фамилии героя последнего романа «Обрыв» — Райского.

На первый взгляд, в романе «Обломов» ситуация повторяется. Штольц продолжает линию дяди Адуева, в то время как Обломов — типичный «безвольный герой». Такой герой склонен абсолютизировать природный фактор, он «фаталист». Он говорит Штольцу: «Ты как-то иначе устроен». Характерен ответ Штольца,

² Идеи Вейса проникли в Россию в конце XVIII в., и Гончаров был с ними, несомненно, знаком.

³ Об Александре Адуеве автор замечает: «Все такие натуры... любят отдавать свою волю в распоряжение другого».

с которым, несомненно, согласен и сам автор: «Человек создан сам устраивать себя и даже менять свою природу, а он отрастил брюхо, да и думает, что природа послала ему эту ношу!» [4, т. 4, с. 391]. О позиции автора можно судить с полной уверенностью потому, что она подтверждена автобиографическим признанием в письме к И. И. Льховскому от двадцатых чисел июля 1853 г.: «Если б Вы знали, сквозь какую грязь, сквозь какой разврат, мелочь, грубость понятий, ума, сердечных движений души проходил я от пелен и чего стоило бедной моей натуре пройти сквозь фалангу всякой нравственной и материальной грязи и заблуждений... Я должен был с невероятными трудами создавать себе сам собственными руками то, что в других сажает природа или окружающие: у меня не было даже естественных материалов, из которых я мог бы построить что-нибудь...» [2, т. 8, с. 258]. Гончаров буквально говорит о принципиальной возможности самопеределки личности. В этом смысле Штольц — герой с высокой внутренней задачей (стать «порядочным человеком»). Если Адуевы ограничивают волевою задачей наукой «управления чувствами», то Штольц говорит о действительных волевых устремлениях личности в умении «менять свою природу».

В «Обломове» Гончаров входит в область построения идеальных образов, которые, несмотря на различные недостатки и прямые изъяны, обладают уже положительным духовным и нравственным зарядом. Во время непосредственной работы над «Обломовым» он писал И. И. Льховскому: «Меня иногда пугает, что у меня нет ни одного типа, а все идеалы: годится ли это? Между тем для выражения моей идеи мне типов не нужно, они бы вели меня в сторону от цели» [2, т. 8, с. 244]. Впервые писатель начинает говорить как о главной художественной задаче об изображении «серьезной человеческой фигуры». В письме к С. А. Никитенко от 21 августа 1866 г. романист признавался, что «поддался» отрицательному направлению в литературе и «вместо серьёзной человеческой фигуры стал чертить частные типы» [3, т. 8, с. 319]. Илья Обломов и Андрей Штольц явились первой попыткой Гончарова изобразить «серьезную человеческую фигуру». Они действительно пытаются найти этическую норму жизни, в которой приспособление к пошлой нормативной этике исключено. Выстраивая в своей жизни некую нравственную программу, герои относятся к ней с полной серьезностью и до конца не изменяют своей мысли, воплощают её в жизнь, как умеют. Оба героя пытаются отойти от трафарета нормативного поведения, пытаются проявить свою волю в поиске нравственно-духовной нормы. В этом смысле совершенно неверно думать, как это считают до сих пор, что Обломов — герой безвольный. В отличие от действительно безвольного Александра Адуева и внешне-волевого (по существу также безвольного) Петра Адуева, живущих по нравственному трафарету, Илья Обломов проявляет волю отрицания расхожей этической нормы: «Не нравится мне эта ваша петербургская жизнь!.. Свет, общество... Жизнь: хороша жизнь! Чего там искать? интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается всё это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Всё это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества!» Духовный образец такой воли отрицания Гончаров знал по псалмам святого царя Давида: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не

стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей...» (Пс. 1: 1). Обломов, конечно, не может противопоставить господствующему нравственному направлению ничего оригинально-созидательного, кроме своей утопии (такую задачу ставит перед собою Штольц), но всё же он отстаивает своё неучастие в том, что считает злом. В этом и проявляется его воля. Воля «неучастия».

В «Обрыве» все герои так или иначе соотносены автором с проблемой «воли». Во-первых, здесь масса людей, не имеющих собственной воли. Таков, например, Аянов, который «тонко угадывал мысль начальника, разделял его взгляд на дело и ловко излагал на бумаге разные проекты. Менялся начальник, а с ним и взгляд, и проект» [4, т. 7, с. 7]. Таков же старик Пахотин, такова и Софья Беловодова, которой Райский говорит: «Над вами совершенно систематически утончённое умерщвление свободы духа, свободы ума, свободы сердца!» [4, т. 7, с. 103]. Марфенька и Викентьев — герои совершенно иного плана, но и они также живут не своей волей, не своим умом, они с удовольствием подчиняются опеке бабушки. В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров прямо сформулировал это: «Марфенька и Викентьев, эта чета не даёт Бабушке ни горя, ни тревог. Последняя знает, что ни тот, ни другой из послушания её не выйдут и будут жить, как она укажет» [2, т. 8, с. 97].

Иное дело Бабушка — это не только «волевая», но и «деспотичная» женщина. Бабушка «говорит языком преданий, сыплет пословицы, готовые сентенции старой мудрости... весь наружный обряд жизни отправляется у ней по затверженным правилам» [4, т. 7, с. 222]. Но, с другой стороны, «в тех случаях, которые не могли почему-либо подойти под готовые правила, у бабушки вдруг выступали собственные силы, и она действовала своеобразно» [4, т. 7, с. 222].

Наконец, в романе есть целая группа героев, обладающих нравственной самостоятельностью и даже пытающихся соединить «волю» как силу моральную (вера в «любовь», идеалы, в человеческую «душу») и волю как способность к преобразующей деятельности. Очевидно, что писатель видит идеал в синтезе деятельного буржуазно-просветительского и этико-христианского понимания «воли». Райский — герой, наиболее близкий автору в понимании «воли» как моральной силы: он чистый идеалист, христианин по мироощущению. Однако этот герой не обладает волей в деятельно-просветительском смысле. Он лишь порывается к деятельности, но дальше первых шагов не идёт. На протяжении всего романа Райский говорит о свободе, воле, самостоятельности личности. Герой пытается заключить «договор» со своей деспотичной бабушкой: «Предоставим полную свободу друг другу <...> дадим друг другу волю...» [4, т. 7, с. 218]. Райский обращается к Татьяне Марковне со словами: «Хорошо, бабушка, я уступаю вам Марфеньку, но не трогайте Веру... Не стесняйте только её, дайте ей волю. Одни птицы родились для клетки, а другие для свободы... Она сумеет управлять своей судьбой...» [4, т. 7, с. 429]⁴.

⁴ Если понять слова Райского как требование права на ошибку, то он прав — и как бы предвидит драматическую, но более значимую (по сравнению с судьбой Марфеньки) судьбу Веры.

В антропологии «Обрыва» ещё более явно, чем в двух первых романах, проявились христианские черты. Просветительское по духу умение «управлять собой» здесь даже не обсуждается. Пётр Адуев учился «управлять чувствами», учился не проявлять их для окружающих, оставаясь эгоистом. Штольц добросовестно пытается овладеть наукой действительной «самопеределки» и самосовершенствования. Герои «Обрыва» сталкиваются с принципиально новой ситуацией: с пониманием того, что над человеческой волей довлеет воля Божия. Отсюда бабушкина тема «судьбы». На первый план выдвигается мотив недостаточности сил и «воли» самого человека и мотив восполнения человеческой воли волей Божьей.

Впервые вопрос о несовершенстве человеческой личности Гончаров связывает с понятием совершенного греха. Несовершенны и «грешны» в романе все герои, задумывающиеся о нравственном идеале. Они действуют — и, как правило, ошибаются. Напротив, не ошибаются бездействующие, живущие в послушании, безгрешны те, кто не проявляет своей воли, а вместе с тем часто не прилагает усилий к выполнению задачи нравственного самосовершенствования. Это «счастливые натуры», вроде Марфеньки. Таким образом, герои романа действуют под знаком известного выражения из Первого послания апостола Петра: «Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать» (1 Петр. 5: 5; см. также: Иак. 4: 6). Бабушка даёт народно-фольклорную переключку с евангельской мудростью, когда употребляет пословицу: «Бог дурака, поваля, кормит».

Райский на протяжении романа переживает несомненный нравственный рост (пожалуй, вместе с Верой — это единственный пример «диалектики души» в романной трилогии), становится лучше. Романист не считает возможным показать Райского достигшим искомого идеала, ибо это вело бы в область утопии в духе гоголевских «Мёртвых душ». Он ставит вопрос в плоскости христианской этики: возможна ли остановка в нравственном развитии и где его предел? Автор считает, что конечное достижение нравственного идеала (а следовательно, и остановка нравственного развития) противоречит самому духу христианства.

Бабушка даёт другой вариант поведения нравственного человека. Её нравственность не подвергается сомнению. Райский восклицает: «Это идеал, венец свободы! Бабушка! Татьяна Марковна! Вы стоите на вершинах развития, умственного, нравственного и социального! Вы совсем готовый, выработанный человек!» [4, т. 7, с. 430]. Здесь, несомненно, лишь часть правды, ибо, по Гончарову (и по духу Евангелия), «стоять на вершине» для человека невозможно. И Райский, и Вера зовут Бабушку «святой». Тем не менее и в жизни Бабушки был свой «обрыв», о чём она говорит Вере: «Я грешница... грешница... Я думала, грех мой забыт, прощён. Я молчала и казалась праведной людям: неправда! Я была — как “окрашенный гроб” среди вас, а внутри таился неомытый грех! Вот он где вышел наружу — в твоём грехе! Бог покарал меня в нём... Прости же меня от сердца...» [4, т. 7, с. 686].

Проповедуя другим, Райский сам не совершенен, сам совершает ошибки. Точно так же и Бабушка, мудро управляя другими, сама не совершенна, подвержена греху. Она понимает, что благая воля человека, направленная к добру, без Божией

помощи — ничто. Отсюда все её разговоры о судьбе, фатуме: «Судьба подслушает, да и накажет...» [4, т. 7, с. 169]. Бабушка в народных выражениях говорит о судьбе как о «судах Божиих». Она верно чувствует, что жизнь человека складывается из его стремления, воли, с одной стороны, и участия в человеческой жизни Бога — с другой⁵. От падения, крупной ошибки не свободен ни Райский, ни Бабушка, ни Вера. Лучшие, ключевые герои романа переживают свой «обрыв» и, получив урок, готовятся к нравственному воскресению. Их образы построены на евангельской модели «обожения» человека: грех – покаяние – воскресение. Причём духовно воскресающие герои для автора дороже, нежели не впадающие в грех как не пережившие искушения. В этом Гончаров следовал евангельской притче о заблудшей овце: «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15: 7). Отношение к падшей Вере корректируется словами Евангелия от Матфея: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного. Ибо Сын Человеческий пришёл взыскать и спасти погибшее» (Мф. 18: 10–11). Вера не презирает Бабушку за падение и называет её святой. Сама Вера не только прощена автором, но и возведена на нравственную высоту. Вера проходит через искушение — и, выйдя победительницей, становится выше, чем несогрешившие. В черновой редакции романа Бабушка молится: «Милосердуй над нами, над нашей слабостью... мы не... лгали, мы любили... грешные создания... и обе смиряемся под Твоим гневом... Пощади это дитя, милосердуй... она очищенная, раскаявшаяся, по слову Твоему, лучше многих праведниц теперь... милее Тебе своей безгрешной сестры, Твоей чистой лампы...» [9, с. 143]. И в самом деле, Вера глубже и «милее» Богу безгрешной Марфеньки, потому что Марфенька не искушена, т. е. её добродетель ничего ей не стоит, у неё не было борьбы с собой. В романе «Обрыв» лучшие герои переживают падение, но воскресают в ещё большей чистоте.

Кроме того, Гончаров создаёт целый ряд «счастливых» героев, которые не подвержены искушению, а потому не делают роковых ошибок, не совершают непоправимых шагов. Эти герои менее яркие и талантливы, менее личностны. Их объединяет чистое сердце, невинность, простота и детскость, а главное — счастливая природа. Им повезло: невинными, не способными к искушению «детьми» их создал Бог. Первая такая героиня была выведена Гончаровым ещё в «Обломове». Это была Агафья Матвеевна Пшеницына. По сути это — героиня сказки. Золушка,

⁵ Конечно, представления Бабушки о судьбе выдержаны в народно-фольклорном духе. Тема судьбы, словно ореол, окружает образ Бабушки. Она постоянно, с первых сцен, говорит о подстерегающей судьбе — и судьба «выстреливает» в последней части романа. Бабушка вынуждена признать, что падение Веры — это напоминание ей от судьбы её собственного греха. Напоминание о её собственной самонадеянности («Я думала, что все забыли...» и пр.). Постоянная апелляция Татьяны Марковны к судьбе составляет одну из важнейших эмоционально-смысловых составляющих духовной атмосферы романа. В сущности, это постоянное напоминание о слабости, недостаточности человека, о его зависимости от иной силы.

которой достаётся принц. Сказочность окружает её образ: Гончаров недаром даёт параллель с Милитриссой Кирбитьевной. Принципиально важно, что Агафья Матвеевна совсем не «соблазняет» Обломова и вообще не делает ничего для сближения с ним. Если она любит его, то абсолютно бескорыстно и не понимая, что её чувство есть любовь. Такое простодушие Агафьи Матвеевны — дар Божий, а не её заслуга. Гончаров называет это своеобразием «натуры»: «Лицо её (Пшеницыной. — В. М.) постоянно высказывало одно и то же счастье, полное, удовлетворённое и без желаний, следовательно, редкое *и при всякой другой натуре невозможное*» [4, т. 4, с. 472].

Это же самое простодушие есть и в Марфеньке. Автор считает, что «переделывать» что-либо в Марфеньке не нужно: этим можно лишь нарушить установившееся в её натуре равновесие. Райский поступает единственно правильно, когда отступается от Марфеньки, задав ей вопрос: «А другую тебе не хочется быть?» — и получив в ответ: «Зачем?.. я здешняя, я вся вот из этого песочку, из этой травки! не хочу никуда...» [4, т. 7, с. 251]. Мужской вариант этого здорового простодушия и чистосердечия — Тушин. В статье «Лучше поздно, чем никогда» Гончаров писал: «Природа дала ему талант быть человеком — и ему оставалось не портить этого...». Просветитель Штольц утверждал, что человек создан «менять свою природу». Совсем иное дело — Тушин: «А Тушин держится на своей высоте и не сходит с неё. Данный ему талант — быть человеком — он не закапывает, а пускает в оборот, не теряя, а только выигрывая от того, что создан природою, а не сам сделал себя таким, каким он есть» [4, т. 7, с. 734].

В рассуждениях писателя начинают мелькать незнакомые нам по первым романам мысли о действительных границах в возможностях самопеределки человека: «Сознательное достижение этой высоты — путем мук, жертв, страшного труда всей жизни над собой — безусловно, без помощи посторонних, выгодных обстоятельств, даётся так немногим, что — можно сказать — почти никому не даётся, а между тем как многие, утомясь, отчаявшись или наскучив битвами жизни, останавливаются на полдороге, сворачивают в сторону и, наконец, совсем теряют из виду задачу нравственного развития и перестают верить в неё» [4, т. 7, с. 734].

На протяжении действия, происходящего в Малиновке, Райский значительно меняет свои представления о «природно данном» в человеке. Первая мысль, которая появляется у него по приезду к бабушке: «Нет, это всё надо переделать» [4, т. 7, с. 173]. Но в конце концов он вынужден признать более значительную силу, чем упорное самовоспитание, которое лишь редких людей приводит к вершинам нравственного развития, — силу «Божьего дара», счастливой натуры: «Бабушка! Татьяна Марковна! Вы стоите на вершинах развития, умственного, нравственного и социального! Вы совсем готовый, выработанный человек! И как это вам далось даром, когда мы хлопочем, хлопочем!.. вы велики!.. я отказываюсь перевоспитывать вас...» [4, т. 7, с. 430].

Однако весь ход романа показывает, что для сохранения (и приумножения) полученного от природы герои обязаны прилагать определённые усилия, они не освобождаются от этого нравственного долга. Здесь христианская этика выражает

те же требования, что и этика просветительская. Гончаров поясняет это на примере Тушина: «Заслуги мучительного труда над обработкой данного ему, почти готового материала — у него не было и нет, это правда. Он не был сам творцом своего пути, своей судьбы; ему, как планете, очерчена орбита, по которой она должна вращаться; природа снабдила её потребным количеством тепла и света, дала нужные свойства для этого течения — и она идёт неуклонно по начертанному пути. Так. Но ведь не планета же он в самом деле — и мог бы уклониться далеко в сторону. Стройно действующий механизм природных сил мог бы расстроиться — и от внешних притоков разных противных ветров, толчков, остановок, и от дурной, избалованной воли» [4, т. 7, с. 734].

Много десятилетий размышляя о путях совершенствования человеческой души в своих романах, сам пройдя путь противоречий и сомнений, писатель всё же приходит к простому выводу: если антично-просветительские добродетели «ума» (рассудительность, «героический энтузиазм») под силу не каждому, то христианские добродетели «сердца» («любовь») требуют лишь доброй воли. В «Обрыве» основополагающим этическим принципом становится принцип «любви» (как универсального мироотношения). Гончаров на склоне лет оценил тех «малых» мира сего, которых отличает «голубиная простота». Он показывает, что в деле нравственного развития их путь более прямой и надёжный, хотя они часто не осознают превосходства «голубиной простоты» над «змеиной мудростью» большинства: «Послушать, так нужная степень нравственного развития у всех уже есть, как будто каждый уже достиг его и носит у себя в кармане, как табакерку, что это “само собой разумеется”, что об этом и толковать нечего... И всё ложь... В большинстве нет даже и почина нравственного развития, не исключая иногда и высокоразвитые умы, а есть несколько захваченных, как будто на дорогу в обрез денег — правил (а не принципов) и внешних приличий...» [4, т. 7, с. 735]. Напомним, что в письме к А. Ф. Кони романист также размышляет об этой важной для себя проблеме: «Отчего мы не такие. “Это глупые, блаженные”, — говорят мудрецы мыслители. Нет — это люди, это те, которым открыто то, что скрыто от умных и разумных. Тех есть Царствие Божие, и они сынами Божиими нарекутся!» [6, с. 76]. В «Обрыве» Гончаров ближе всего подходит к позициям христианской этики и выражает её почти открыто, гораздо более открыто, чем ранее. Отсюда его восторг и ужас в письме к издателю романа, редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу от 7 июня 1868 г., в котором он с явным волнением заметил: «Я, повторяю, в голове кончил всё — и к тому, что я Вам рассказал, прибавилось многое, но такое смелое и оригинальное, что если напишется, то я буду бояться прочесть и Вам, чтоб Вы не засмеялись моей смелости... У меня мечты, желания и молитвы Райского кончаются, как торжественным аккордом в музыке, апофеозом женщин, потом родины России, наконец, Божества и Любви... Я боюсь, боюсь этого небывалого у меня притока фантазии, боюсь, что маленькое перо мое не выдержит, не поднимется на высоту моих идеалов — и художественно-религиозных настроений... Но Бог даст — Вера спасёт меня!» [2, т. 8, с. 386].

Трудно переоценить значение художественно-этических открытий Гончарова, значение его художественной антропологии, последовательно развивавшейся

в романной трилогии, для русской литературы. Этот его вклад остаётся не оценённым до сих пор. В «Обрыве» Гончаров кардинально изменил постановку вопроса об идеальном или, по выражению Ф. М. Достоевского, «положительном» человеке. Перенеся центр тяжести в своей антропологии от этики нормативно-эмпирической к этике христианской, он, с одной стороны, акцентировал то, что, в общем, было известно ещё Н. В. Гоголю: а именно то, что в выработке совершенного человека участвуют как сам человек, так и его Творец. Но, с другой стороны, ни Гоголь, ни Достоевский так вопрос не ставили. Если у Достоевского человек путём нарушения Божиих законов воочию убеждается в их существовании и принимает их (сцена с чтением Евангелия в эпилоге «Преступления и наказания»), то Гончаров идёт дальше: он показывает действие в человеке Божественной силы то в соприкосновении с волей человека, то вне её: «С тайным, захватывающим дыханием ужасом счастья видел он, что работа чистого гения не рухнет от пожара страстей, а только останавливается, и когда минует пожар, она идёт вперед, медленно и туго, но всё идёт — и что в душе человека, независимо от художественного, таится другое творчество, присутствует другая живая жажда, кроме животной, другая сила, кроме силы мышц. Пробегая мысленно всю нить своей жизни, он припоминал, какие нечеловеческие боли терзали его, когда он падал, как медленно вставал опять, как тихо чистый дух будил его, звал вновь на нескончаемый труд, помогая встать, ободряя, утешая, возвращая ему веру в красоту правды и добра и силу подняться, идти дальше, выше... Он благоговейно ужасался, чувствуя, как приходят в равновесие его силы и как лучшие движения мысли и воли уходят туда, в это здание, как ему легче и свободнее, когда он слышит эту тайную работу и когда сам сделает усилие, движение, подаст камень, огня и воды» [4, т. 7, с. 554]⁶.

Сама образная система («камень, огонь вода» — это апокрифические образы, стилизованные под библейские⁷), да и весь смысл сказанного, не оставляют сомне-

⁶ В этом замечательном отрывке у Гончарова нет ничего случайного. Внутренняя работа по переделке человека из плотского в духовного, из ветхого в нового невозможна без Святого Духа. Но также она невозможна и без усилий самого человека, и именно это слово употребляет романист. Усилие же это обозначено как соработничество Святому Духу: Он творит человека, а человек выступает как помощник — не творит, но подаёт «материалы»: камень, огонь, воду.

⁷ В книге Бытия в Ветхом Завете образы если не камня, то «тверди», образы воды и огня играют важнейшую роль как главные «строительные материалы» создаваемого мира: «...Дух Божий носился над водою...» (Быт. I: 2); «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.] И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так (Быт. I: 6–7)». Кроме того, в Ветхом Завете Дух описывается в неживых образах мира материи: дыхания жизни, ветра, огня, воды и облака. Таким образом, огонь и вода — это не только «строительные материалы» для созидания мира и человека, но и образы, ассоциирующиеся с Самим Духом. Впрочем, очевидно, что Гончаров здесь берёт лишь дух Ветхого Завета, но, по сути, пользуется апокрифическим осмыслением темы (Ср. апокриф «Сказание, как сотворил Бог Адама»). Человек создавался, согласно этому апокрифу, из земли (тело), камня (кости), моря (кровь), солнца (очи) и т.д.).

ний, что речь идёт о «творении нового человека из ветхого», о выработке в человеке идеала гармонии и красоты через действие в его душе Святого Духа, как это описано в трудах святых отцов Церкви⁸. Так далеко в описании внутренней работы человека над самим собой, и притом через посредство Святого Духа, осеняющего каждую человеческую душу, не заходил ни один русский художник⁹.

В «Обрыве» возобладала религиозная антропология, и в каком-то смысле это был выход за пределы художественных возможностей традиционного реализма. Гончаров почувствовал сам, что в «Обрыве» ему не хватает традиционно реалистических средств. В статье «Лучше поздно, чем никогда» он (неожиданно для многих, считающих его образцом бытописательства и примитивного реализма) заявляет: «...не реально, натянуто, ходульно! Может быть, отчасти я это и сам чувствовал, когда писал, и оттого вложил этот очерк в пеструю фантазию Райского. Впрочем, я не такой поклонник реализма, чтобы не допускать отступлений от него. В угоду реализму пришлось бы слишком ограничивать и даже совсем устранять фантазию, впадать, значит, в сухость, иногда в бесцветность, вместо живых образов писать силуэты, иногда вовсе отказываться от поэзии, и всё во имя мнимой правды! Но ведь фантазия, а с нею и поэзия даны природой человеку и входят в его натуру, следовательно, и в жизнь: будет ли правдиво и реально миновать их?» [2, т. 8, с. 99–100].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Вейс Ф. Р.* Нравственные основы жизни: в 2 т. / пер. с франц. СПб.: Издано В. И. Асташевым, 1881. Т. 1. 526 с.
- 2 *Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Гослитиздат, 1952–1955.
- 3 *Гончаров И. А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1978–1980.
- 4 *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 1997–2014. Т. 1–10.
- 5 *Кессиди Ф. Х.* Этические сочинения Аристотеля // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.
- 6 *Кони А. Ф.* Воспоминания о писателях. М.: Правда, 1989. 656 с.
- 7 Литературное наследство. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. Т. 102: И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования / отв. ред. С. А. Макашин, Т. Г. Динесман. Вступ. ст., подг. текста и коммент. Н. Ф. Будановой. 736 с.
- 8 *Мельник В. И.* Гончаров и православие. М.: «Даръ», 2008. 544 с.
- 9 *Мельник В. И.* Философские мотивы в романе И. А. Гончарова «Обломов» (к вопросу о соотношении социального и нравственного) // Русская литература. Л.: Наука, 1982. № 3. С. 81–99.

⁸ Г. Федотов в работе «О Святом Духе в природе и культуре» (1932) писал: «Но и для богословия, но и в экономии Церкви Дух Святой остаётся самой таинственной ипостасью. Богословы согласны в том, что природа и действие Св. Духа являются для нас сокровенными, едва именуемыми» [11].

⁹ Хотя сама тема была обозначена, например, в стихотворении В. А. Жуковского «Мысли»: «Будь несолнечен наш глаз — // Кто бы солнцем любовался? Не живи дух Божий в нас — // Кто б божественным пленялся?»

- 10 *Мельник В. И.* Этический идеал Гончарова // Ivan Goncharov. Leben, Werk und Wirkung. Beitrage der I. Internationalen Goncharov-Konferenz. Bamberg. Bohlau, Verlag, Koln, Weimar, Wien. 8–10. Oktober 1991 / Hg. von Peter Thiergen. Koln, 1994. 458 p.
- 11 *Федотов Г.* О Св. Духе в природе и культуре // Вопросы литературы. 1990. № 2.
- 12 *Setchkarev V.* Ivan Goncharov. His life and his works. Wurzburg, 1974. 339 p.

* * *

Melnik Vladimir Ivanovich,

Dsc in Philology,

Professor of Linguistics and Literature Studies Department,

FSBI HPE «The State Academy of Slavic Culture»,

Khibinsky proezd 6, 129337, Moscow, Russian Federation

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

**THE EVOLUTION OF ETHICAL CONCEPTS
AND THE PHENOMENON OF «WILLPOWER»
IN ANTHROPOLOGY OF I. A. GONCHAROV**

Abstract: The anthropology of Goncharov reflects the balance and the interpenetration of normative secular and Christian ethics. This structural feature of the writer's anthropology is not revealed immediately, but only at the end of the novel trilogy. The notion of 'willpower' plays a crucial role in his writings. The subject of 'willpower' had been fundamental to Goncharov since as early as the 1840s, well before the advent of Schopenhauer in the European philosophy. In «A Common Story», Peter Aduv thinks highly of his ability to control his feelings, but it is only the outward sign of will. The character is in fact weak-willed and morally doomed, hence his last name (from Russian «Ad», hell). In the novel «Oblomov», Scholtz and Oblomov set the goal of moral perfection and demonstrate the true will, although they fail to reach their goals. In «The Precipice», the protagonists' will aims at reaching a moral ideal, an undertaking unachievable without the help from above. It is in this novel that Goncharov raises the question about the role of Divine Providence, Will and Mercy in the life of people. The main characters of the novel experience a moral lapse and, having been taught a lesson, prepare themselves for a moral resurrection. Their character sketches are based on the evangelic model of «deification» of people: transgression – repentance – resurrection. Hence the last name of the protagonist — Raisky (from Russian «Rai», Heaven). The author values resurrecting characters more than the ones who have never transgressed. The anthropology of Goncharov contains several «blessed» characters who are not subject to temptation and who therefore do not make fatal mistakes and do not take irreparable steps. These characters are less vivid and talented, and they lack a strong personality. What unites them are a pure heart, innocence, simplicity and childishness, but most importantly — a blissful nature. In «The Precipice», the religious anthropology prevailed, and, in a sense, the novel went beyond the artistic possibilities of traditional realism, a fact noted by the author himself.

Keywords: Goncharov, ethics, anthropology, will, evolution, epic trilogy, Christian religion.

REFERENCES

- 1 Weiss F. R. *Nravstvennye osnovy zhizni: v 2 t.* [The Moral Foundations of Life: in 2 vol.], translation from French. St. Petersburg, Izdano V. I. Astashevym Publ., 1881. Vol. 1. 526 p.
- 2 Goncharov I. A. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works in 8 vol.] Moscow, Goslitizdat Publ., 1952–1955.
- 3 Goncharov I. A. *Sobr. soch.: v 8 t.* [Collected works in 8 vol.] Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1978–1980.
- 4 Goncharov I. A. *Poln. sobr. soch.: v 20 t.* [Complete works in 20 vol.] St. Petersburg, Nauka Publ., 1997–2014. Vol. 1–10.
- 5 Kessidi F. Kh. *Eticheskie sochineniia Aristotelia* [The ethical writings of Aristotle]. *Aristotel'. Soch.: v 4 t.* [Aristotle. Works in 4 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. Vol. 4. 830 p.
- 6 Koni A. F. *Vospominaniia o pisateliakh* [Memories about writers]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 656 p.
- 7 *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage]. Moscow, Izd-vo IMLI RAN, «Nasledie» Publ., 2000. Vol. 102: I. A. Goncharov. *Novye materialy i issledovaniia* [New materials and research], ed. S. A. Makashin, T. G. Dinesman. *Vstup. st., podg. teksta i komment.* N. F. Budanovoi. 736 p.
- 8 Mel'nik V. I. *Goncharov i pravoslavie* [Goncharov and Orthodoxy]. Moscow, «Dar» Publ., 2008. 544 p.
- 9 Mel'nik V. I. *Filosofskie motivy v romane I. A. Goncharova «Oblomov» (k voprosu o sootnoshenii sotsial'nogo i nravstvennogo)* [Philosophical motifs in the novel by I. A. Goncharov's «Oblomov» (on the question of the relation of the social and moral)]. *Russkaia literatura* [Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, no 3, pp. 81–99.
- 10 Mel'nik V. I. *Eticheskii ideal Goncharova* [Ethical ideal of Goncharov]. *Ivan Goncharov. Leben, Werk und Wirkung. Beitrage der I. Internationalen Goncharov-Konferenz.* Bamberg. Bohlau, Verlag, Koln, Weimar, Wien. 8–10. Oktober 1991 / Hg. von Peter Thiergen. Koln, 1994. 458 p.
- 11 Fedotov G. *O Sv. Dukhe v prirode i kul'ture* [About the Holy Spirit in the nature and culture]. *Voprosy literatury* [Issues of literature], 1990, no 2.
- 12 Setchkarev V. *Ivan Goncharov. His life and his works.* Wurzburg, 1974. 339 p.